

В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ **Блеск и сумерки богов**

Сомневался ли хоть кто-то, что здесь будет вся Москва! Главный дирижер Мариинского театра **Валерий Гергиев** и светлановский оркестр «давали» в БЗК симфонические отрывки из опер Вагнера. Мастера, каких мало, программа, которая по плечу немногим. Упомянутому «тандему» — по плечу. Но и он в тот вечер не одолел все пики и глубины колоссальных вагнеровских картин.

Увертюра к «Риенци», еще во многом следующая образцам французской «большой оперы», не грозила никакими потрясениями, но и стать вполне «аппетитной» для уха ей помешали неаккуратность медных и сухость струнных.

Свадебный пир в Антракте к III действию «Лоэнгрин» пахнул морем эйфории, пахнул ветром грядущей беды и смутил стуком рассыпавшихся по полу железных пуговиц — там, где должны бы звенеть литые кубки. Но это ли потеря! На другой знаменитой фреске вместо фантастических амазонок кружили странные галоли, рвущие вихри — то, кажется, были наши обманутые надежды. Куда делась пластичность солирующей басовой трубы? Откуда взялись тотальная неуклюжесть и рваные фразы, бывшие некогда цельным высказыванием? И только когда пьеса будет сыграна еще раз, на заключительный бис, явится (хоть и не с первых тактов) настоящий «Полет валькирий».

«Парсифаль»... Последняя и особенная опера композитора, названная им мистерией. Прозвучавшее в концерте Вступление к ней — неброское, тонкое, уже не вполне земное полотно, и безупречная тонкость, нить к нити, здесь дорогого стоит. Но ровности не вышло, а текущую линию искривили узелки «торчащей» меди и большие механические паузы, так и не превратившиеся в неслышную музыку... Впрочем, к чему этот подсчет промашек, когда здесь, как и в предыдущих картинах, никак не находилось главное — нерв, страсть, напряженный духовный толк. Что случилось?

Культивир - 1995 - 11 апр - с. 8

Ведь те же действующие лица, в том же зале, с вагнеровской же, хоть и несколько иной, программой сделали апрельский концерт прошлого года — несмотря на все шероховатости и, может быть, спорность некоторых интерпретаций — событием. Благодаря именно нерву, страсти, току. На этот раз на сцене царил профессиональный долг, умеренно тронутый вдохновением.

Невероятная иррациональная сила вагнеровского искусства явилась в достаточной мере, пожалуй, только со звуками «Траурного марша» на смерть Зигфрида. Может быть, как ни парадоксально, и потому, что это произведение только что «поступило» в репертуар светлановцев. Свежесть музыкальных впечатлений и особенная в таких случаях мобилизация всех, в том числе и дирижерских, возможностей сыграли свою роль. Но даже и эти «движущие силы» не спасли финальную сцену «Гибели богов» (тоже новую для оркестра), натолкнувшись на препятствие в лице солистки Мариинского театра Евгении Целовальник.

Четкая артикуляция и столь трудно претворимые в жизнь вагнеровские легато здесь налицо — но нет нужной силы, нет «мяса». И чтобы дать певце высказаться, оркестр во главе с Гергиевым вынужден был проявить куда большую, чем требуется, деликатность. Так могучий трагический пик «нибелунговой» тетралогии сделался обычной, хоть и не без величественности, горой...

Л. ДОЛГАЧЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Последняя, не предусмотренная программой и тревожная картинка этого вечера — баркашовцы в зале. Демонстративно обозначившие свое присутствие: не в гражданской одежде, а в боевом обмундировании, при портупеях, черных беретах, кобурах, на рукавах — повязки с чем-то похожим на фашистскую свастику. Публика слушала Вагнера «на все времена». Они, очевидно, пришли послушать того, что «на случай» — на времена страшные.

Само появление чернорубашечников в зале, где не раз звучала Ленинградская симфония Шостаковича, где недавно состоялся концерт памяти жертв Освенцима, в зале, который — святое место не только для отечественной, но и для всей мировой культуры, где за честь считают выступить самые великие музыканты мира, — не кошунство ли это?!

Да, они уже здесь, они пришли. И мы их увидим вновь, если все вместе — и те, кто на сцене, и те, кто в зале и за его стенами, в кабинетах соответствующих служб и ведомств, в едином порыве общенародного гнева не возвысим свой голос против того, что зовется одним емким и страшным словом — фашизм.